

Допустимость показаний в уголовном процессе: современный подход и векторы развития

С. А. Новиков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Новиков, Сергей А. 2024. «Допустимость показаний в уголовном процессе: современный подход и векторы развития». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 21–34. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.102>

В статье анализируются наиболее актуальные аспекты допустимости института показаний в современном российском уголовном процессе. Критически оценивается данное в законе определение самого понятия показаний потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого как сведений, полученных исключительно в ходе их допроса. Предлагается считать показаниями этих участников также сведения, полученные в результате иных следственных действий, причем не только таких, как очная ставка, предъявление для опознания или проверка показаний на месте, всегда содержащих элементы допроса, но и тех, которые изначально не направлены на получение показаний, например обыска, осмотра, следственного эксперимента. Рассматриваются дефекты источника осведомленности допрашиваемого, препятствующие использованию сведений из них в доказывании: показания, основанные на слухах, предположениях, догадках или неназванном источнике, нарушающие тайну исповеди, адвокатскую или налоговую тайну, воспроизводящие недопустимые сведения или оценивающие по жестам или мимике ложность чужих показаний. Указываются нарушения порядка получения показаний, влекущие их безусловную недопустимость: применение пыток, угроз, отсутствие предусмотренных законом участников (защитника, педагога, психолога), наводящие вопросы, ненадлежащий субъект получения показаний. Одновременно предложено различать несущественные и устранимые нарушения, не влекущие недопустимости показаний, часто связанные с дефектами протоколирования. Рассмотрены препятствия использования в ходе судебного разбирательства тех показаний, которые были получены ранее без нарушений законной процедуры. Предложено отказаться от запрета оглашать прежние показания обвиняемого, полученные без участия защитника (когда его участие не было в силу закона обязательным), при их неподтверждении обвиняемым в суде, а также смягчить правила оглашения показаний неявившихся лиц.

Ключевые слова: допустимость доказательств, показания обвиняемого, показания свидетеля, следственные действия, допрос, оглашение показаний, недопустимые показания.

1. Введение

Допустимость — одно из важнейших свойств уголовно-процессуальных доказательств, характеризующее их доброкачественность, чистоту. Неуклонное следование закону при собирании доказательств — не только необходимая гарантия охраны прав и свобод граждан в уголовном процессе, но и зачастую существенное

условие достоверности полученных результатов. Неслучайно запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, установлен на самом высоком — конституционном — уровне (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ¹). При этом строгие требования предъявляются уголовно-процессуальным законом как к самой процедуре получения значимых сведений, так и к их источникам. Вместе с тем важно, чтобы «сито» допустимости не препятствовало использованию правомерно полученных, доброкачественных сведений, проливающих свет на картину преступления. Поэтому так нужна точность правовой регламентации процесса доказывания.

Сказанное в полной мере относится к институту показаний. Показания потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых играют важнейшую роль в установлении обстоятельств дела, без них не обходится ни одно расследование. Наряду с использованием в доказывании, показания служат действенным средством защиты обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим своих интересов по уголовному делу.

Исследованию современного подхода к институту допустимости показаний в российском уголовном процессе, а также поиску векторов его дальнейшего развития и посвящена настоящая статья.

2. Основное исследование

2.1. Понятие показаний

Первый неизбежный вопрос: каковы требования к процессуальной форме сведений, признаваемых показаниями соответствующего участника уголовного процесса? Попытка найти ответ в предлагаемых самим законодателем определениях не приводит к успеху — дефиниции показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, содержащиеся в ст. 76–79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (УПК РФ), очевидно неточны, поскольку при их буквальном толковании показания перечисленных участников могут быть получены только в ходе допроса. Однако допрос — главное, но далеко не единственное средство получения показаний.

К числу следственных действий, обязательным элементом которых выступает дача их участниками показаний, также относятся очная ставка (в ст. 192 УПК РФ прямо сказано о даче участниками очной ставки *показаний*), предъявление для опознания (хотя ч. 9 ст. 193 УПК РФ и называет их *объяснениями* опознающего) и проверка показаний на месте (в ч. 4 ст. 194 УПК РФ упоминается *свободный рассказ* участника, после которого ему могут быть заданы вопросы).

Что касается сведений, сообщаемых участниками других следственных действий, например обыска, следственного эксперимента, осмотра, то ответить на вопросы об их правовой природе, отнесении к показаниям и, соответственно, допустимости использования в доказывании сложнее.

Например, С. А. Шейфер выступал за строгое разграничение познавательных функций следственных действий, утверждая, что объяснения, даваемые участни-

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25 января, 2024. <http://www.consultant.ru>.

ками при осмотре или обыске, не следует отражать в соответствующих протоколах; их фиксация должна осуществляться по-другому — путем допроса соответствующего лица прямо на месте производства иного следственного действия. На его взгляд, «объяснения участников осмотра, обыска и других следственных действий, основанных на приемах наблюдения, относительно происхождения вещей, даны в условиях, не обеспечивающих объективного получения вербальной информации, ибо указанные действия по самой своей конструкции не приспособлены к достижению этой цели. Доказательственной ценности такие объяснения иметь не могут» (Шейфер 2001, 75).

Другие ученые, напротив, находили возможными фиксацию в соответствующих протоколах и дальнейшее использование в доказывании устных сведений, сообщенных участниками перечисленных следственных действий. Так, В. Л. Будников, анализируя результаты следственного эксперимента, обоснованно отметил, что хотя невербальная информация выступает при его производстве, как правило, в качестве основной составляющей получаемых сведений, однако другая часть информации передается с помощью речевых сигналов и должна признаваться показаниями (Будников 2009, 28). А. П. Рыжаков, в свою очередь, акцентировал внимание на целесообразности отображения в протоколе обыска факта узнавания присутствующим при этом потерпевшим принадлежащей ему вещи (Рыжаков 2001, 30).

Мы также придерживаемся позиции, согласно которой не только допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний на месте, но и другие следственные действия могут привести к получению от участвующих лиц устных сведений, которые разумно отразить в соответствующем протоколе и использовать в дальнейшем доказывании. А с учетом характера этих сведений и предложенной законодателем классификации источников доказательств такие сведения должны признаваться *показаниями* (Новиков 2013, 78–79).

Схожую точку зрения отстаивает С. Б. Россинский, обоснованно заметивший: «Формальный подход строгого разделения следственных и судебных действий на вербальные и невербальные приведет к полному обесцениванию устных заявлений и объяснений в ходе осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента. <...> В результате органы дознания, предварительного следствия и суд ежедневно в своей практической деятельности будут сталкиваться с необходимостью проведения еще целого спектра дополнительных следственных и судебных действий, направленных на закрепление сведений, которые не представилось возможным получить ранее в силу запрета на смешение вербальных и невербальных способов познания» (Россинский 2013, 16).

Анализ действующего российского законодательства, на наш взгляд, также подтверждает правильность предлагаемого подхода. Так, статья об общих правилах производства следственных действий предписывает предупреждать участвующего в них потерпевшего или свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Тем самым косвенно указывается на то, что перечисленные лица могут дать показания при производстве любого следственного действия с их участием.

Кроме того, установленные правила протоколирования следственных действий требуют, чтобы в протоколе были не только описаны процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, и выявленные при этом суще-

ственные для данного уголовного дела обстоятельства, но и изложены заявления участвующих лиц (ч. 4 ст. 166 УПК РФ). Причем закон никак не дифференцирует поступающие от участников заявления по их содержанию. Поэтому позиция, согласно которой в протокол должны избирательно заноситься лишь замечания, касающиеся соблюдения процедуры следственного действия и точности отражения в протоколе его хода, содержания и результатов, не основана на законе.

Необходимо также учитывать, что нормативная регламентация некоторых, на первый взгляд, сугубо «невербальных» следственных действий недвусмысленно предполагает наличие «вербального» элемента. Напомним положения ч. 2 ст. 287 УПК РФ, посвященной осмотру местности и помещения в ходе судебного следствия, согласно которым по прибытии на место суд приступает к осмотру, при этом подсудимому, потерпевшему, свидетелям и другим участникам могут быть заданы вопросы в связи с осмотром. Ответы на такие вопросы должны использоваться в доказывании (иначе не было бы смысла их задавать), а с учетом природы сообщаемых сведений их следует признавать показаниями.

Анализ актуальной судебной практики позволяет утверждать, что и российские правоприменители находят возможным использование устных сведений, сообщенных участниками следственных экспериментов, осмотров, обысков, в качестве допустимых доказательств по уголовным делам.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, согласившись с выводом судов нижестоящих инстанций о доказанности вины осужденных, привела в числе прочих доказательств результаты следственного эксперимента, в ходе которого его участник (обвиняемый Т.) с помощью ноутбука и модема вышел в сеть Интернет и распечатал на принтере скриншоты, после чего по каждому скриншоту с текстовыми изображениями «дал свои комментарии, отраженные в протоколе»².

Тем не менее очевидно, что действующий уголовно-процессуальный закон нуждается в совершенствовании: в нем должны быть уточнены и само понятие *показаний* соответствующего участника процесса, и регламентация производства отдельных следственных действий (например, обыска, осмотра, следственного эксперимента, выемки), в ходе которых могут быть факультативно использованы элементы допроса, приводящие к получению показаний. Это обеспечит, с одной стороны, большую защищенность прав лиц, сообщающих значимые сведения при производстве подобных следственных действий, а с другой — большую достоверность результатов.

Так, важным условием использования в доказывании устных сведений, полученных от участников любого следственного действия, выступает соблюдение предписания ч. 2 ст. 11 УПК РФ, согласно которому такой участник при наличии у него свидетельского иммунитета должен быть заранее предупрежден о своем праве не свидетельствовать в соответствующей части и о том, что впоследствии сообщенные им сведения могут использоваться в доказывании. Также необходимо соблюдать положения ч. 5 ст. 164 УПК РФ, требующие от правоприменителя разъ-

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 28.12.2021 № 49-УД21-56СП-А4.

яснения участникам следственного действия их прав, обязанностей и ответственности. Как и при допросе (ч. 2 ст. 189 УПК РФ) или проверке показаний на месте (ч. 2 ст. 194 УПК РФ), так и по аналогии при производстве других следственных действий недопустимы наводящие вопросы.

Пока же таких изменений не внесено, имеющаяся неопределенность статуса сообщаемых устных сведений может привести, с одной стороны, к их необоснованному исключению из допустимой доказательственной базы, а с другой — к возможным злоупотреблениям со стороны правоприменителей при использовании подобных сведений без учета их процессуальной природы (например, при попытке рассматривать сообщенные участником осмотра сведения в качестве составной части такого источника доказательств, как протокол осмотра, с игнорированием ограничений, установленных законом для другого источника — показаний).

2.2. Пороки источника осведомленности лица, дающего показания

Следующий блок вопросов, напрямую влияющих на допустимость показаний, касается проверки источника осведомленности дающего их лица. Дело в том, что сведения, сообщаемые в ходе следственного действия тем или иным участником уголовного процесса, могут стать допустимыми и использоваться в доказывании в качестве его показаний лишь при условии, что они получены самим этим лицом из надлежащего источника.

В качестве недопустимых по этому критерию сведений назовем прежде всего показания лица, основанные на догадке, предположении, слухе или полученные им из источника, который он не может указать (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Подчеркнем, что хотя закон прямо называет в приведенном пункте лишь показания свидетеля и потерпевшего, однако эта норма должна толковаться расширительно, блокируя также, например, показания обвиняемого, основанные на предположении, или показания подозреваемого, не называющего источник своей осведомленности. Такое требование закона абсолютно обоснованно: источник осведомленности допрашиваемого должен быть *проверям* правоприменителем.

Другая группа запретов на использование сведений обусловлена необходимостью защиты определенной тайны, особыми отношениями доверия между лицом, раскрывающим тайну, и потенциальным допрашиваемым.

Так, священнослужитель не может раскрывать тайну исповеди и сообщать о ставших ему при этом известными обстоятельствах (п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого не может свидетельствовать о том, что он узнал в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, кроме случаев, когда о допросе в качестве свидетеля ходатайствует сам адвокат (защитник) с согласия и в интересах защищаемого (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ); адвокат устраняется от свидетельствования об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, когда о допросе в качестве свидетеля ходатайствует он сам с согласия своего доверителя (п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Причем приведенные нормы, имеющие высокое нравственное значение, восходят к еще дореволюционному праву. Примечательна их оценка А. Ф. Кони, до сих пор не утратившая актуальности:

Здесь возможность раскрытия преступного дела и установления вины приносятся в жертву необходимости сохранить высокое и просветляющее значение исповеди. И закон тысячу раз прав, не допуская искажения таинства покаяния обращением его во временное и случайное орудие исследования преступления! Прав он и в том, что проводит свое запрещение допрашивать священника о тайне исповеди последовательно и неуклонно, не соблазняясь возможностью лукаво предоставить ему лишь отказываться отвечать на такой допрос. <...> Проникнут нравственным элементом закон и в том случае, когда воспрещает спрашивать о сознании подсудимого своему бывшему защитнику <...> Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой, скрываемый от других, позор такими подробностями личной жизни и семейного быта, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухою (Кони 1967, 53–54).

К ранее упомянутым близок по своей природе и запрет на использование в доказывании сведений, сообщенных лицом в специальной декларации при добровольном декларировании активов и счетов (вкладов) в банках. Такие сведения не могут быть получены ни путем допроса в качестве свидетеля должностного лица налогового органа (п. 6 ч. 3 ст. 56 УПК РФ), ни при производстве других следственных действий, включая допросы иных осведомленных лиц; исключением является лишь ситуация, когда сам декларант желает сообщить правоприменителю сведения, изложенные в его декларации (п. 2.2, 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Следующая группа «запретных источников» призвана блокировать искусственное воспроизводство ущербных, недопустимых сведений, осуществляемое путем допроса лица, их получившего. При таком воспроизводстве возникает опасная иллюзия появления нового, уже законно добытого и потому допустимого доказательства. Однако в действительности использование таких производных, «восстановленных» сведений должно также признаваться невозможным (подобный подход в доктрине носит название «плодов отравленного дерева»). Хотя уголовно-процессуальный закон обходит этот вопрос молчанием, Конституционный Суд РФ (КС РФ) четко и неоднократно высказывался по этому поводу. Достаточно напомнить его позицию, изложенную в Определении от 06.02.2004 № 44-О, согласно которой положения УПК РФ не могут «служить основанием для воспроизведения в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденных им в суде, путем допроса в качестве свидетеля, дознавателя или следователя, производившего дознание или предварительное следствие». В свою очередь, в Определении КС РФ от 26.04.2021 № 853-О подчеркивается, что суд не вправе показаниями следователя, дознавателя или иного сотрудника органа дознания подменять результаты следственных и оперативно-разыскных действий, проведение которых было необходимым при осуществлении досудебного производства.

Необходимо отличать приведенные ситуации (когда происходит попытка восстановления недопустимых сведений посредством допроса лица, их получившего) от принципиально иных, при которых сотрудник правоохранительных органов непосредственно воспринимает значимые сведения как очевидец преступления (например, участвуя в оперативном эксперименте, оперативный работник получает

определенные указания от главаря банды как мнимый соучастник, а после его задержания свидетельствует об этом). В последнем случае показания оперативного работника допустимы.

Заметим, что правоприменители не всегда могут правильно разграничить подобные казусы, что приводит к ошибкам в оценке получаемых сведений. Примеры подобных ошибок нередки в судебной практике, на что справедливо указывают исследователи (Стойко 2021, 264).

Наконец, еще один аспект допустимости показаний в рассматриваемом блоке касается особой категории допрашиваемых: специалистов, приглашаемых для «распознавания лжи» в ранее полученных от других лиц допустимых показаниях. Дело в том, что некоторые российские правоприменители не оставляют попыток так или иначе снять с себя бремя оценки достоверности полученных показаний. Для этого используются разные ухищрения, включающие, наряду с применением «детектора лжи» и назначения различных психофизиологических исследований, приглашение «специалистов», которые либо присутствуют непосредственно при допросе другого лица, либо изучают видеозаписи состоявшихся допросов, после чего уже сами допрашиваются в качестве специалистов для описания и оценки наблюдавшихся ими реакций. Таким образом, предмет их допроса — выявляемые ими признаки лжи, а источник сведений — наблюдаемые жесты, мимика, принимаемые позы, изменения голоса других допрашиваемых. Все подобные «показания о показаниях» не могут, на наш взгляд, признаваться допустимыми. Полагаем, что здесь применима позиция, высказанная Пленумом ВС РФ по поводу заключения эксперта в п. 4 Постановления от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»: «Перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со ст. 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу».

2.3. Нарушения закона при получении показаний

Теперь рассмотрим блок вопросов, касающихся последствий различных нарушений закона, допущенных непосредственно в процессе получения показаний, включая их фиксацию.

Напомним вначале одно из базовых положений принципа законности: нарушение правоприменителем норм УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание полученных таким путем доказательств недопустимыми (ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Этому положению корреспондирует норма п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, относящая к недопустимым доказательствам сведения, полученные с нарушением требований закона.

При этом обращает на себя внимание отсутствие в приведенных положениях какой-либо дифференциации допущенных нарушений с точки зрения наступающих неблагоприятных последствий для использования сведений в доказывании. При буквальном толковании выходит, что любое, даже самое незначительное от-

ступление от буквы закона должно повлечь недопустимость соответствующих сведений.

Однако подобный (слишком идеалистический) подход к последствиям любых нарушений процедуры еще с момента появления УПК РФ выглядел трудно реализуемым. Неудивительно, что эксперты из Европы и США оценили его как излишне строгий, предложив исключать доказательства лишь в том случае, когда закон нарушен по существу³. Схожую оценку можно встретить и в работах многих отечественных авторов. Например, Т. Н. Москалькова обоснованно заметила, что «нарушения закона существенно отличаются друг от друга по своей сути, по последствиям, по возможности исправления (восполнения). Поэтому и подход к ним на этапе определения допустимости доказательств не может быть одинаков» (Москалькова 1996, 88). Н. П. Кириллова, в свою очередь, правильно указывает: безусловное требование о недопустимости полученных с нарушением закона доказательств как в теории, так и на практике толкуется неоднозначно; различный подход сторон к оценке доказательств с точки зрения их допустимости — распространенное и объяснимое явление (Кириллова 2009, 48–49).

Анализ судебной практики также позволяет утверждать, что российские правоприменители оценивают выявленные нарушения по такому критерию, как их существенность, ставя в зависимость от этой оценки последующий вывод о допустимости полученных показаний.

Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 31.07.2012 № 89-О12-30СП отменен оправдательный приговор Тюменского областного суда, вынесенный с участием присяжных заседателей, по уголовному делу о квалифицированном убийстве. Основанием отмены явилось необоснованное исключение судом из числа допустимых доказательств видеозаписи допроса обвиняемого ввиду отсутствия в протоколе сведений о наименовании использованного технического средства. Как отметила вышестоящая судебная инстанция, отсутствие в протоколе таких сведений, как единственное обстоятельство, указывающее на несоблюдение требований ч. 4 ст. 190 УПК РФ, с учетом того, что все иные требования названной нормы закона следователем выполнены, не может рассматриваться в качестве нарушения, влекущего признание этих доказательств недопустимыми, поскольку данное нарушение носит формальный характер и оно могло быть устранено в судебном заседании.

К обстоятельствам, безусловно влекущим признание показаний недопустимыми, должны быть отнесены прежде всего нарушения базовых положений уголовно-процессуального права при их получении.

Так, категорически недопустимы показания, полученные с применением насилия, угроз и иных незаконных мер (нарушаются ч. 2 ст. 9 и ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Более того, лица, виновные в применение таких методов допроса, подлежат уголовной ответственности по ст. 302 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ).

Не могут быть признаны допустимыми показания подозреваемого и обвиняемого, полученные с нарушением их права на защиту, например в отсутствие за-

³ Правовая и криминологическая оценка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ: мат-лы науч.-практ. конф. // Государство и право. 2002. № 9. С. 90.

щитника, если его участие, согласно ч. 1 ст. 51 УПК РФ, признается обязательным (в том числе когда участвовавший защитник подлежал отводу).

Недопустимы показания лица, полученные с нарушением принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе (ст. 11 УПК РФ), когда допрашиваемому не были разъяснены его права, обязанности и он не был предупрежден об ответственности, или принципа языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ), когда лицу, не владеющему или недостаточно владеющему таким языком, не было разъяснено и обеспечено право давать показания на родном языке или другом языке, которым оно владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в установленном законом порядке.

Фатальны для доказательственной судьбы полученных сведений и такие нарушения, как получение показаний не уполномоченным на то лицом (например, следователем, не включенным в состав следственной группы), отсутствие кого-либо из обязательных участников следственного действия (например, допрос малолетнего без приглашения педагога или психолога), применение наводящих вопросов.

Отдельную группу составляют нарушения правил фиксации результатов соответствующего следственного действия. Так, одним из серьезных нарушений требований закона о том, чтобы по возможности дословно записывать в протокол показания допрашиваемого (ч. 2 ст. 190 УПК РФ), является наличие в уголовном деле двух и более протоколов с совершенно идентичными текстами показаний (иногда повторяют друг друга протоколы допроса одного и того же лица, а иногда разных лиц). Очевидно, что при соблюдении установленного порядка составления каждого протокола допроса его текст не будет дословно дублировать остальные. Поэтому суд, выявляя подобные факты, предсказуемо исключает показания, зафиксированные в соответствующих протоколах, как недопустимые (обычно если даты допросов разные, то в хронологическом порядке исключаются второй и последующие протоколы с зафиксированными в них показаниями, а если даты совпадают — то все).

Важна также точность отражения в протоколе содержания полученных показаний. Искажения показаний при протоколировании влекут не только признание последних недопустимыми, но иногда могут привести самого допрашиваемого на скамью подсудимых⁴.

Вместе с тем, как было сказано выше, необходим разумный подход к последствиям допущенных нарушений при собирании доказательств (в том числе применительно к институту показаний): иногда нарушения могут признаваться восполнимыми и несущественными. Прежде всего речь идет о дефектах протоколирования, когда, например, вместо отражения в протоколе полных имени и отчества кого-либо из участников допроса (что обязательно в силу п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ) следователь ограничивается указанием соответствующих инициалов. Восполнимо отсутствие подписи допрашиваемого на одной из страниц протокола, если про-

⁴ Так, Приговором Свердловского районного суда г. Иркутска за фальсификацию доказательств, выразившуюся во внесении заведомо ложных данных в протокол допроса подозреваемого и протокол проверки его показаний на месте, осуждена и приговорена к трем годам лишения свободы дознаватель Е. (Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 16.04.2019 № 22-964/2019. Дата обращения 10 февраля, 2024. <https://sudact.ru/regular/doc/xvH08GrwSYlm>).

смотр видеозаписи, примененной в качестве дополнительного средства фиксации показаний, убеждает в их точном изложении на неподписанной странице⁵.

При определении «существенности» конкретного нарушения необходимо, на наш взгляд, исходить из назначения уголовно-процессуальной формы, заключающегося прежде всего в обеспечении достоверности получаемых сведений и защите участников процесса от нарушения их прав. Эти критерии и должны стать определяющими. Требуется выяснить, как именно нарушение повлияло на достоверность полученных сведений либо в чем именно ущемлено право участника процесса.

В связи со сказанным требует уточнения формулировка п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, которая, называя недопустимые доказательства, могла бы (с учетом положительно-го примера казахстанской модели регулирования допустимости) выглядеть следующим образом: «иные доказательства, полученные с нарушениями требований настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или нарушением иных правил уголовного процесса повлияли или могли повлиять на достоверность полученных сведений». Одновременно для исключения всякой неопределенности в вопросах «существенности» нарушений закона при выявленных фактах применения принуждения в процессе получения показаний ч. 2 ст. 75 УПК РФ с перечнем недопустимых доказательств необходимо дополнить новым п. 2.4, с учетом положений ст. 302 УК РФ сформулированным следующим образом: «показания участников уголовного судопроизводства, данные ими под воздействием насилия, издевательств, пытки или иного принуждения, осуществленного путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, со стороны следователя, дознавателя, прокурора, судьи, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, дознавателя, прокурора или судьи».

2.4. Препятствия для оглашения законно полученных показаний в суде

Наконец, еще один блок признания показаний недопустимыми связан с наличием предусмотренных законом оснований, позволяющих сторонам (прежде всего стороне защиты) блокировать оглашение в суде тех показаний, которые на момент их получения (на стадии предварительного расследования) отвечали всем критериям законности и могли без ограничений использоваться в доказывании. Как отмечено Ю.П. Боруленковым, в этих случаях УПК РФ ограничивает сторону обвинения в возможности предоставления суду доказательств, которые на момент формирования и судебного заседания являются законными; тем самым, на его взгляд, «обозначена категория доказательств, которые можно назвать условно-допустимыми» (Боруленков 2013, 15).

К такой категории доказательств следует отнести прежде всего показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, использование таких показаний в ходе судебного след-

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 15.04.2016 № 33-АПУ16-5. Дата обращения 10 февраля, 2024. <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15042016-n-33-apu16-5/>.

ствия и при обосновании приговора поставлено в зависимость от их подтверждения в суде. Если обвиняемый их не подтверждает, они автоматически признаются недопустимыми. По поводу этой нормы с момента ее появления ведутся жаркие дискуссии в отечественном юридическом сообществе (Маслов 2006, 8): с одной стороны, она призвана помочь избежать применения незаконных мер к допрашиваемому обвиняемому, а с другой — лишает суд возможности самостоятельно оценить соответствие таких сведений всем установленным критериям и сделать вывод об использовании их в доказывании. На наш взгляд, подобный подход ошибочен; у суда должна оставаться возможность исследовать причины неподтверждения подсудимым ранее сообщенных им сведений и дать им обоснованную оценку. Если требования закона при получении показаний не нарушались и обвиняемый выразил желание дать показания без участия защитника, то сообщенные им сведения должны оставаться допустимыми не только в ходе дальнейшего предварительного расследования, но и до самого завершения производства по делу.

Следующий аспект допустимости показаний — наличие серьезных ограничений для оглашения в суде ранее полученных показаний в случае неявки давших их лиц. Так, согласно ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ, если свидетель (потерпевший) вследствие тяжелой болезни, стихийного бедствия или другого указанного в законе чрезвычайного обстоятельства не явится в суд, то огласить его показания можно будет лишь при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Однако подобный (по нашему мнению, чрезмерно суровый) подход также ошибочен и зачастую нелогичен.

Проиллюстрируем это на примере двух схожих ситуаций, когда обвиняемый не успел оспорить показания потерпевшего: в первой ситуации потерпевший, дав подробные показания в отношении напавшего на него преступника, затем умирает; во второй — потерпевший, дав такие же показания, впадает в кому. В настоящее время в первом случае показания потерпевшего могут использоваться без всяких ограничений, во втором же — не подлежат оглашению, если только потерпевший не умрет или не выздоровеет.

При этом мы ничуть не умаляем значения предоставляемой обвиняемому возможности допрашивать показывающих против него лиц, что выступает неотъемлемой частью права каждого на справедливое судебное разбирательство (подп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.). Безусловно, в отсутствие чрезвычайных обстоятельств такое право должно неуклонно обеспечиваться. Однако, если такие обстоятельства присутствуют, требуется поиск более гибких решений. Полагаем, опираясь в том числе на международную практику, что должны сохраняться два важных условия оглашения в суде и использования в дальнейшем доказывании показаний неявившихся лиц: 1) правоприменителями предприняты исчерпывающие меры для обеспечения явки такого лица в суд; 2) выводы суда о виновности подсудимого не будут основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на оглашаемых сведениях, если обвиняемый (подсудимый) ранее не имел возможности оспорить соответствующие показания. Такие изменения, на наш взгляд, требуются внести в УПК РФ.

Следует также иметь в виду важное разъяснение КС РФ, согласно которому реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения

показаний, по ее мнению, значимых для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения; бездействие же самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами⁶. При таком подходе особое значение для последующего оглашения показаний приобретают, в частности, ходатайства о производстве очных ставок и допросов свидетельствующих лиц, заявляемые стороной защиты при ознакомлении с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ, и реакция на такие ходатайства стороны обвинения.

3. Выводы

Допустимость показаний — их важнейшее свойство, характеризующее законность источника сообщаемых свидетельствующим лицом сведений, а также законность самого порядка сбора этих сведений.

При этом оценка допустимости показаний потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого затруднена ввиду неточности предлагаемого законодателем в ст. 76–79 УПК РФ понятийного аппарата. В действительности понятие показаний названных участников процесса шире и включает в себя сведения, сообщенные ими не только в ходе допроса, но и при производстве иных следственных действий, причем не только таких, как очная ставка, предъявление для опознания или проверка показаний на месте, всегда содержащих элементы допроса, но и таких, как обыск, осмотр, следственный эксперимент, т. е. тех, которые изначально на получение показаний не направлены.

Ввиду наличия дефектов источника осведомленности допрашиваемого, препятствующих использованию полученных из него сведений в доказывании, недопустимы сведения: основанные на догадках, предположениях, слухах или почерпнутые из неназванного источника; нарушающие тайну исповеди, адвокатскую тайну или тайну декларирования; воспроизводящие недопустимые сведения; оценивающие по жестам, мимике, интонациям ложность чужих показаний.

Требуется дифференцированный подход к последствиям нарушений положений закона при получении доказательств, в том числе показаний. К нарушениям порядка получения показаний, влекущим их безусловную недопустимость, относятся: применение пыток, угроз, отсутствие предусмотренных законом участников (защитника, педагога, психолога), наводящие вопросы, ненадлежащий субъект получения показаний. В то же время следует различать несущественные и устранимые нарушения, не влекущие недопустимости показаний, которые обычно связаны с дефектами протоколирования.

Закон содержит определенные препятствия для использования в ходе судебного разбирательства тех показаний, которые были получены ранее без нарушений законной процедуры. Необходимо отказаться от запрета оглашать прежние показания обвиняемого, полученные без участия защитника (если его участие не было в силу закона обязательным), при их неподтверждении обвиняемым в суде. Также должны быть смягчены действующие правила оглашения показаний неявившихся лиц.

⁶ Определение КС РФ от 10.10.2017 № 2252-О «По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ».

Библиография

- Боруленков, Юрий П. 2013. «Допустимость доказательств: время перемен?» *Уголовное судопроизводство* 3: 13–18.
- Будников, Владимир Л. 2009. *Показания в уголовном судопроизводстве*. М.: Юрлитинформ.
- Кириллова, Наталия П. 2009. «Следственные ошибки и допустимость доказательств». *Криминалист* 2 (5): 48–54.
- Кони, Анатолий Ф. 1967. «Нравственные начала в уголовном процессе». Кони, Анатолий Ф. *Собрание сочинений*. В 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература.
- Маслов, Игорь В. 2006. «Некоторые проблемы признания доказательств недопустимыми». *Уголовное судопроизводство* 3: 7–9.
- Москалькова, Татьяна Н. 1996. *Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования)*. М.: Спарк.
- Новиков, Сергей А. 2013. «Показания свидетеля в российском уголовном процессе: совершенствование правового регулирования». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 77–83.
- Россинский, Сергей Б. 2013. «Проблемы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу». *Российский следователь* 16: 13–17.
- Рыжаков, Александр П. 2001. *Следственные действия (понятие, виды, порядок производства)*. М.: Инфра-М.
- Стойко, Николай Г. 2021. «Законность, обоснованность и мотивированность приговора: уголовно-процессуальный анализ на примере одного дела». *Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф.*, 255–267. СПб.: Астерион.
- Шейфер, Семен А. 2001. *Следственные действия. Система и процессуальная форма*. М.: Юрлитинформ.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 2 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Новиков Сергей Александрович — канд. юрид. наук, доц.; san33@mail.ru

The admissibility of testimony in criminal proceedings: Modern approach and development vectors

S. A. Novikov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Novikov, Sergei A. 2024. “The admissibility of testimony in criminal proceedings: Modern approach and development vectors”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 21–34. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.102> (In Russian)

In the article the most relevant aspects of the admissibility of the institution of testimony in modern Russian criminal proceedings are analyzed. The main part of the study includes four sections, the first of which criticizes legal definition of the very concept of the testimony of the victim, witness, suspect and accused, as information obtained solely as a result of their interrogation. It is proposed to consider the testimony of these participants as information obtained as a result of other investigative actions, not only such as confrontation, presentation for identification or verification of testimony on the spot, but also those that were not initially aimed at obtaining testimony: search, inspection, investigative experiment. The second

section examines defects in the source of the interrogated's awareness that prevent the use of information from them in evidence: testimony based on rumors, guesses or an unnamed source, violating the secrecy of confession, attorney's or tax secrecy, reproducing unacceptable information or evaluating the falsity of other people's testimony by gestures or facial expressions. The third section indicates violations of the procedure for obtaining testimony, entailing their absolute inadmissibility: the use of torture, threats, the absence of participants provided for by law (defender, teacher, psychologist), leading questions. At the same time, it is proposed to distinguish between insignificant and avoidable violations that do not entail the inadmissibility of testimony. The fourth section examines the obstacles to the use in the conduct of the trial of those testimonies that were obtained earlier without violating the legal procedure. It is proposed to waive the ban on disclosing the previous testimony of the accused, obtained without the participation of a defender (when his participation was not legally mandatory), if they were not confirmed by the accused in court, as well as to soften the rules for the disclosure of testimony of non-present persons.

Keywords: admissibility of evidence, testimony of the accused, testimony of a witness, investigative actions, interrogation, disclosure of testimony, inadmissible testimony.

References

- Borulenkov, Iurii P. 2013. "Admissibility of evidence: Time for change?" *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* 3: 13–18. (In Russian)
- Budnikov, Vladimir L. 2009. *Testimony in criminal proceedings*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Kirillova, Natalija P. 2009. "Investigative errors and admissibility of evidence." *Kriminalist* 2 (5): 48–54. (In Russian)
- Koni, Anatolii F. 1967. "Moral principles in the criminal process." Koni, Anatolii F. *Sobraniie sochinenii*. In 8 vols, vol. 4. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ. (In Russian)
- Maslov, Igor' V. 2006. "Some problems of recognizing evidence as inadmissible." *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* 3: 7–9. (In Russian)
- Moskal'kova, Tat'jana N. 1996. *Ethics of criminal procedural evidence (preliminary investigation stage)*. Moscow, Spark Publ. (In Russian)
- Novikov, Sergej A. 2013. "Witness testimony in the Russian criminal trial: Improvement of legal regulation." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 1: 77–83. (In Russian)
- Rossinskij, Sergej B. 2013. "Problems of correlation of the results of non-verbal investigative and judicial actions with testimony in a criminal case." *Rossiiskii sledovatel'* 3: 3–5. (In Russian)
- Ryzhakov, Aleksandr P. 2001. *Investigative actions (concept, types, procedure of production)*. Moscow, Infra-M Publ. (In Russian)
- Shejfer, Semen A. 2001. *Investigative actions. System and procedural form*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Stojko, Nikolaj G. 2021. "Legality, validity and motivation of the verdict: A criminal procedural analysis on the example of one case." *Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh reshenii v ugovnom protsesse: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 255–267. St. Petersburg, Asterion Publ. (In Russian)

Received: October 1, 2023
Accepted: November 2, 2023

Author's information:

Sergei A. Novikov — PhD in Law, Associate Professor; san33@mail.ru